При использовании материалов исследования ссылка на публикацию обязательна

Мария Маркович

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

(реконструкция биографии Н.П. Ламановой по архивным и библиографическим источникам)

В связи с многочисленными неточностями, белыми пятнами и недостоверными фактами, коими изобилуют ныне существующие публикации о выдающемся русском модельере и художнике театрального костюма Надежде Петровне Ламановой (1861-1941), на основе архивных документов РГИА, ГАРФ, РГАЭ, РГВИА, РГАЛИ, ЦГА г. Москвы, ЦАНО, фондов Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина, справочной и мемуарной литературы, в ноябре 2015 года мной и моей коллегой, Нижегородским исследователем Татьяной Львовной Грачевой, начата реконструкция биографии великого русского модельера. По итогам первого этапа нашей работы мною был зачитан доклад на 1-й Научно-практической конференции «Российская мода» в Доме Моды Вячеслава Зайцева 19 февраля 2016 года, посвященной Ламановой. После этого наше исследование было продолжено и настоящей публикацией мы подводим итоги нашей полугодовой работы. Исследование еще не завершено и далеко не все из найденных документов включены в текст. По окончании работы нами будет опубликован большой итоговый материал с указанием ссылок на все архивные источники, которые были нами использованы.

ЧАСТЬ 1. НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Наш коллега, екатеринбургский исследователь Андрей Львович Ламанов, провел замечательное исследование рода Надежды Петровны Ламановой - помещиков Великолуцкого уезда (исследование планируется к публикации в ближайшем номере журнала «Генеалогический вестник») На сегодняшний день древо рода содержит более 40 персон, 10 поколений. Старший представитель рода, известный на настоящий момент, Семен, рождения примерно 1600 г., имел поместье в этом же уезде, которое впоследствии перешло сыновьям. Но мы не будем углубляться в столь давние годы, а попробуем, насколько это возможно, восстановить фрагменты жизни семьи Ламановых в Нижегородской губернии, начиная со знакомства ее родителей.

Дом дворянского собрания Нижегородской губернии на Большой Покровской

Как следует из прошения матери Надежды Петровны, Надежды Александровны Ламановой о причислении ее с дочерьми к нижегородскому дворянству, 26 апреля 1858 года отец нашей героини, Петр Михайлович Ламанов, был уволен в бессрочный отпуск в Нижегородскую губернию с переводом в Екатеринославский Драгунский Ея Императорского Высочества Великой княгини Марии Николаевны полк и оставлен в бессрочном отпуске до 1866 года, когда и ушел в отставку. Так как у него с братьями было имение в селе Шутилово, скорее всего основное время он проводил там.

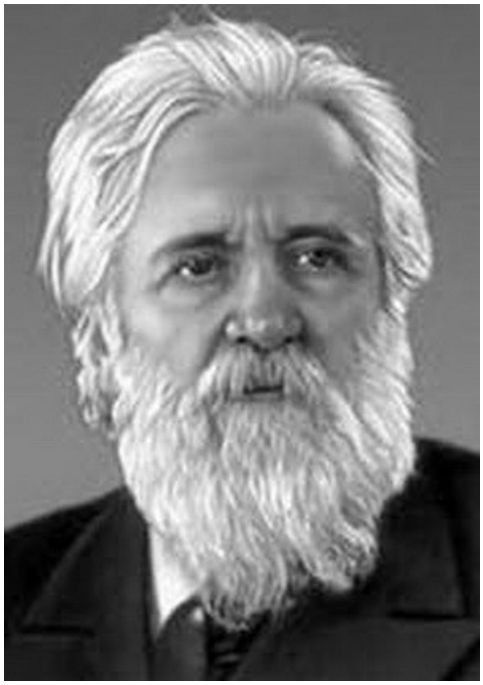
Ему было уже далеко за сорок, холост. Не исключено, что, как это было принято в то время, он наносил визиты соседям, у которых были дочери на выданье. Одним из них был генерал-майор Александр Иванович Лишев, командир 4 карабинерского полка, что базировался в то время в Нижнем Новгороде. Происходя из обер-офицерских детей Санкт-Петербургской губернии, Лишев сделал блестящую карьеру на военном поприще, начав службу с чина унтер-офицера Гренадерского Его Величества императора Австрийского полка в 1813 году. В семье генерала и его жены, дочери отставного прапорщика Хлуденева, Веры Николаевны, подросли дочери Надежда, София и Зинаида. Вскоре Петр Михайлович сделал предложение юной Надежде Лишевой и получил согласие. Наде в то время исполнилось лишь 20 лет, а жених был на 25 лет старше. Возможно, не последнюю роль в решении Нади выйти замуж сыграло то обстоятельство, что к этому времени отец ее уже умер, и девушка хотела устроить свою судьбу. Тем более, что из найденного мной письма Александра Ивановича Лишева,

датированного 1851-м годом, становится понятно, что семья, имевшая 10 детей, находилась в крайней нужде. А может быть Надежда действительно полюбила этого мужчину. Венчание Петра Ламанова и Надежды Лишевой прошло в селе Крутец Нижегородского уезда.

Выписка о венчании из метрической книги церкви села Крутец за 1861 гласит: «За № 2 8 января 1861 года жених подполковник Белорусского гусарского полка Петр Михайлович Ламанов, первым браком, 45 лет и после умершего генерал-майора Александра Лишева дочь Надежда Александровна Лишева, первым браком, 20 лет. Поручители по женихе титулярный советник Павел Михайлович Ламанов и титулярный советник Дмитрий Тимофеев Погуляев. По невесте поручик Александр Александров Лишев и подпоручик Николай Александров Лишев». Как видно, поручителями, то есть свидетелями со стороны невесты, были ее братья.

Именно из этой метрической записи, найденной Татьяной Львовной Грачевой, стала известна девичья фамилия матери нашей героини и данные о ее семье. До этого никакой информацией о матери модельера исследователи не располагали.

Исследование рода Лишевых начато нами не так давно, но уже принесло немало открытий. Например, стало понятно, что творческие дарования Надежда Петровна и ее сестры унаследовали как раз по линии матери (София прекрасно играла на фортепиано и служила актрисой в театре Незлобина, Екатерина заведовала модным ателье в Петербурге, Мария занималась дизайном шляп). Подтверждением этому может служить то, что по линии Лишевых они состоят в прямом родстве с тремя скульпторами — Всеволодом Всеволодовичем Лишевым (его отец, Всеволод Александрович тоже имел художественные способности, но стал военным), Андреем Викторовичем Кикиным и Ольгой Викторовной Лишевой, в замужестве Булгаковской!



Скульптор Всеволод Всеволодович Лишев (1877-1960) – двоюродный брат Н.П.Ламановой. Памятник Чернышевскому в Санкт-Петербурге его авторства.

Зинаида Александровна Лишева (в замужестве Ходакова) - тетя Н.П. Ламановой и скульптор Андрей Викторович Кикин (1898-1963) – внук З.А. Лишевой (фото из личного архива семьи Кикиных).

Сама работа методом наколки, который использовала Надежда Петровна, сродни работе скульптора, вот только материалом в этом случае служит не глина или гипс, а ткань. Не случайно великий Эйзенштейн называл творения Ламановой «трехмерной подвижной скульптурой».

Старший брат Надежды Александровны, Александр Александрович Лишев, как и отец, сделал успешную карьеру на военном поприще. Воспитанник 1-го кадетского корпуса, в 1855 году он вступил в службу прапорщиком в 3-ю полевую артиллерийскую бригаду, служил на Казанском пороховом заводе, был казначеем и экономом Пиротехнического училища, правителем дел и старшим адъютантом Штаба инспектора пороховых заводов (позднее - Управление Инспектора пороховых заводов)... В 1881 году, будучи уже полковником, он назначается начальником Михайловского Шостенского порохового завода. Высочайшим приказом от 15 мая 1887 г. Александр Александрович Лишев был уволен от службы из полковников, с производством в генерал-майоры, с мундиром и назначением пенсии из Государственного казначейства по 287 рублей 50 копеек в год и из эмеритальной кассы. Любопытно, что Александр Александрович, будучи уже в отставке, закончил начатые П.А. Михалевым разработки бездымного пороха из нитроклетчатки. С 1895 года завод Винтера начал выпускать этот порох для охотничьих гладкоствольных ружей под названием «Порох Лишева».

Несомненно, в процессе работы мы узнаем еще много интересного о представителях этого выдающегося рода. Пока же вернемся к рассказу о семье Надежды Петровны.

После венчания молодые поселились в Шутилово. Там 14 декабря 1861 года (по старому стилю) и появилась на свет Надежда Петровна. Сохранилась запись, сделанная о ее крещении в шутиловском храме за №31 «Рождена 14 декабря, крещена 18 декабря. Родители села Шутилово помещик подполковник Петр Михайлович Ламанов и законная жена его Надежда Александровна, оба православные. Восприемники: того же села помещик Павел Михайлов Ламанов и помещица села Беговатова Варвара Михайлова Алексеева». В

Шутилово семья, вероятно, прожила до той поры, пока Наде не пришло время поступать в гимназию. Во всяком случае, Надежда и ее сестры, Анна и Екатерина, родились в Шутилово. А вот Мария и София — уже в Нижнем Новгороде. Крестили последних в Знаменской церкви, что сейчас стоит на улице Добролюбова. Видимо, в то время Ламановы жили где-то неподалеку от этого храма. Вероятно, переезд из Шутилова в Нижний Новгород был не случаен. Ведь девочкам можно было поступать и в гимназию Арзамаса. Но наверняка молодая жена мечтала о светской жизни, а в Арзамасе, в отличие от Нижнего Новгорода, таковой не было.

Здание Мариинской гимназии, которую в 1878 году окончила Надежда Петровна и гимназистки «Мариинки»

Из прошений Надежды Александровны в Нижегородское дворянское собрание нам известны некоторые адреса проживания семьи Ламановых в Нижнем Новгороде в 1880-е годы. Своего жилья Ламановы не имели, а жили в съемных номерах. Сначала на центральной улице города - Большой Покровской. Потом переехали на Осыпную улицу (ныне улица Пискунова), в номера Бубнова. В годы советской власти это здание носило название Дома Крестьянина. К сожалению, его недавно снесли, не учтя исторической ценности.

Номера Бубнова (Дом Крестьянина)

В 1866 году Петр Михайлович назначается на должность Ардатовского уездного исправника, а в 1873 году перемещен на аналогичную должность по Балахнинскому уезду, откуда по

прошению по болезни был уволен в 1879 году. Скорее всего, в силу расстояния от дома до места службы, будние дни он проводил в Ардатове, а затем в Балахне и лишь на выходные приезжал к семье в Нижний.

После смерти мужа 12 сентября 1884 года (по ст.ст.) «от удара» (15 сентября 1884 он был погребен на Нижегородском Петропавловском кладбище) мать Надежды Петровны дважды подавала прошения о причислении ее с дочерьми к Нижегородскому дворянству. Предыдущие прошения Ламановых не были удовлетворены из-за того, что по неизвестной причине в дворянское собрание не прислали необходимые для подтверждения права на дворянство документы. Прошения Надежды Александровны датируются 1885 и 1886 годами. Но ни в одном из них она не упоминает двух старших дочерей - Надежду и Анну. В чем причина? Их может быть несколько: к тому времени они могли выйти замуж, между матерью и дочерьми мог произойти какой-то конфликт, из-за которого она не посчитала нужным просить о причислении их к дворянству, теоретически Анна могла и умереть, что тоже объясняло бы отсутствие ее имени в прошении. Ведь пока о ее судьбе мы ничего не знаем, кроме того, что после 1931 года ее уже не было в живых, тогда как Надежда Петровна и три ее сестры (Мария Петровна Терейковская, София Петровна Хорькова и Екатерина Петровна Чернова) жили в Москве... Загадку отсутствия в прошениях двух дочерей нам еще предстоит разгадать.

Последние сведения о Надежде Александровне Ламановой датируются 1886 годом, когда от нее поступило второе прошение. Сама Надежда Петровна указывает, что мать ее в этом же году умерла. Однако метрическая запись о ее смерти нами пока не найдена.

ЧАСТЬ 2. В МОСКВУ, В МОСКВУ!..

Теперь давайте вместе с юной Надеждой, окончившей 8 классов Мариинской гимназии (свидетельство об окончании ею именно этого учебного заведения сохранилось в архиве), перенесемся из Нижнего Новгорода в Москву. Сведения о том, когда Надежда Петровна переехала в Москву, чтобы начать работать и материально поддержать семью, находящуюся в крайне стесненных обстоятельствах, варьируются от 1879 до 1883 года. Сама Надежда Петровна указывает лишь, что с 1883 по 1884 год она обучалась в школе кройки Суворовой (вероятно, имеется в виду Ольга Александровна Суворова, вдова инженера, в 1890-х годах состоявшая учительницей кройки Арбатской школы Общества поощрения трудолюбия). Также существует версия о том, что Надежда была приглашена в Москву Александрой Николаевной Стрекаловой, организатором Общества поощрения трудолюбия. Однако документов, подтверждающих этот факт, найти пока не удалось.

После обучения у Суворовой Надежда устраивается в портновское заведение мадам Войткевич. Что же это за окутанная французским флером дама? Ею оказалась жена статского советника Татьяна Степановна Войткевич. Ныне она если и знакома широкой аудитории, то разве что в связи с именем Ламановой. Однако, в 1880-е годы это имя было у всех на слуху. Сергей Александрович Попов, директор известного Товарищества суконной торговли «М. Попов с сыновьями», называл ее первой ласточкой качественного русского портновского ремесла. На афишах театра Корша даже специально указывалось: «Туалеты Войткевич». И сам Валентин Серов написал ее портрет, ныне, к сожалению, утерянный.

Любопытна информация о ней, найденная в мемуарах Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник: «Московские красавицы - большей частью статные, темнобровые, без петербургской томности и загадочности, цвели, как пышные цветы, в туалетах работы славившейся тогда Т.С. Войткевич, одевавшей "Марью Николаевну". Тоже интересный московский тип: начала свою карьеру с того, что босенькой девчонкой в Нижнем булавки у портнишки подбирала, а потом гремела на всю Москву, дружна была с артистами, художниками, ездила каждый год в Париж, жила открыто и широко, со своих купчих брала, не стесняясь, а зато артисткам давала и неограниченный кредит, и совсем другие цены из-за

страстной любви к искусству, вложенной в ее широкую натуру. После каждой пьесы, для которой она шила Марье Николаевне туалеты, к ней приезжали несколько дам заказать "точно такое же платье, как у Ермоловой в 4-м акте", мало принимая в соображение, что то, что было прекрасно на божественной фигуре Ермоловой, может совсем иначе выглядеть на какой-нибудь восьмипудовой красавице...» *(Щепкина-Куперник Т.Л. «Дни моей жизни: театр, литература, общественная жизнь». М., 1928 г., стр. 160).*

Не правда ли, описанная история очень схожа с той, что мы знаем о Надежде Петровне Ламановой? Действительно ли такие факты в биографии Войткевич присутствуют и, если она была связана с Нижним Новгородом, случайно ли Надежда оказалась именно в мастерской своей землячки? Это еще предстоит выяснить. Пока же по архивным делам удалось установить, что в 1884 году, т.е. во время работы там Ламановой, портновское заведение Войткевич располагалось в Медвежьем (Настасьинском) переулке, между Тверской улицей и Малой Дмитровкой, в доме Степановой. Мастерская в то время была сравнительно небольшой: в ней работало 6 женщин и 12 малолетних девочек. Позднее портновское заведение Войткевич сменит несколько адресов и по иронии судьбы наследница этого ателье, Наталья Владиславовна Войткевич будет обшивать своих клиенток по соседству с мастерской Ламановой, на Тверском бульваре, в доме №6. Как указывает сама Надежда Петровна, у Войткевич она проработала год: с 1884-го по 1885-й.

Надежда Петровна Ламанова (слева) и М.С. Воронина. Москва, 1885-1887 (фото из личного собрания потомков М.С. Ворониной)

Следующим этапом в биографии Ламановой становится открытие ею в 1885 году собственной мастерской. Хотя большинство источников утверждает, что мастерская была открыта ею в доме Адельгейм на Большой Дмитровке, 25, однако по архивным документам мне удалось установить, что дом Адельгейма, как минимум, уже четвертый адрес мастерской.

Вероятно, первым адресом ателье Ламановой стал дом на пересечении Тупого Хлыновского переулка и Большой Никитской улицы (Тупой Хлыновский пер., д. 1, он же дом номер 22 по

Б. Никитской, ныне Б. Никитская, дом 24/1), принадлежавший Помпею Николаевичу Батюшкову, действительному статскому советнику, историку и этнографу, сводному брату поэта Константина Николаевича Батюшкова. По крайней мере, в 1886-м портновское заведение Надежды Петровны Ламановой, дочери отставного подполковника располагалось именно там. Во второй половине 1886 года, по неизвестным пока причинам, Надежда Петровна переводит свою мастерскую в дом вдовы подполковника Елены Никаноровны Черневой (позднее Никанора и Дмитрия Николаевичей Черневых) на пересечении Б. Никитской улицы и Большого и Среднего Кисловских переулков (Большая Никитская, д. 11, ныне Б. Никитская 9/15/2). В 1889 году в портновском заведении Надежды Петровой Ломановой, дочери полковника и временной московской 2 гильдии купчихи (именно в 1889 г. Ламанова записывается во временные купчихи) трудятся 15 взрослых портних и 23 малолетние.

В 1890 году, в связи с перестройкой дома под руководством архитектора В.А. Мазырина, Надежда Петровна снова вынуждена была сменить место жительства и мастерской. В этом году она переезжает на Большую Дмитровку, 11, в дом Фишера. Любопытно, что за год до этого по соседству, в доме №17 располагается мастерская Войткевич, а в 1890-м ее заведение уже не значится по этому адресу. В 1890-м в портновском заведении Надежды Петровой Ламановой, дочери полковника и временной московской купчихи 2 гильдии работало 25 взрослых мастериц. А уже в 1893-м году работниц у Надежды Петровны прибавилось. Тогда в заведении Надежды Петровны Андруцкой (почему Андруцкой, а не Ламановой — объясню чуть позже), работало 15 взрослых и 30 малолетних портних.

В доме Фишер мастерская располагается, судя по архивным данным, до 1897 года (тогда в ателье работало 15 взрослых и 20 малолетних работниц). В 1898 году в доме 11 мастерская Надежды Петровны уже не значится. То есть в 1898-м ателье переезжает как раз в дом Адельгейма (Б. Дмитровка, д. 25, ныне Б. Дмитровка, 23), который чаще всего упоминается в статьях о Ламановой. В этом же году, согласно данным Списков поставщиков Двора, Надежда Петровна получает звание поставщика двора Ея Императорского Высочества Елизаветы Федоровны. Поставщиком двора Ея Императорского Величества Ламанова станет в 1904 году.

Периодом с 1898 по 1904 год *(моя датировка на основе анализа данных, в архивном деле датировка отсутствует)* датируется одно из немногих сохранившихся писем Надежды Петровны. Оно тем более ценно, что указывает на то, что Ламанова лично встречалась с Императрицей Александрой Федоровной. Письмо это адресовало камер-фрау государыни, Марии Федоровне Герингер:

«19 июля

Многоуважаемая Мария Федоровна, забыть о заказах Ея Величества я никак не могла, а видимо я не поняла, так как при примерке мы очень спешили, я очень волновалась и очень может быть не сообразила точно слов Ея Величества, о чем очень прошу Вас доложить Ея Величеству.

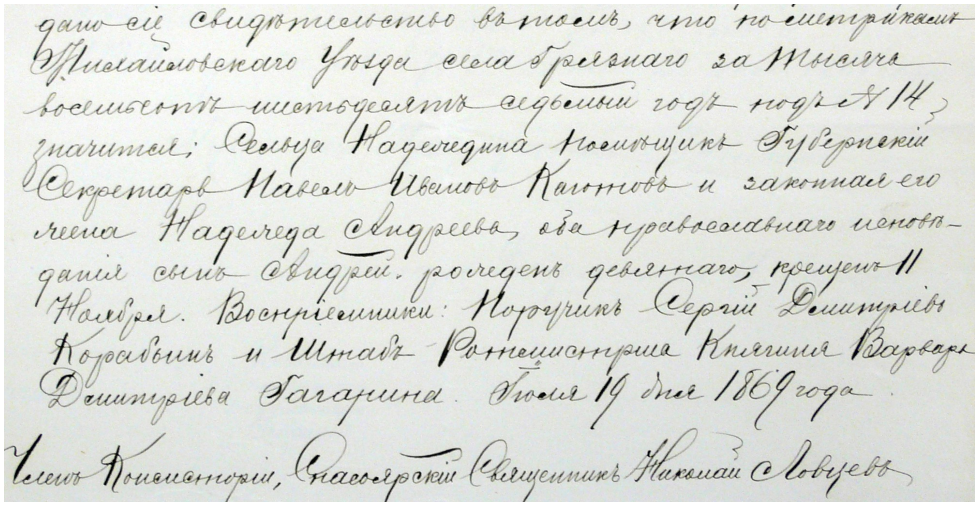
С почтением,

Н. Ламанова» (ГАРФ ф. 625, оп. 1, д. 439, л.2)

В эти же годы Надежда Петровна встречает своего будущего мужа, юриста Андрея Павловича Каютова. Большинство источников ошибочно датирует это событие 1880-ми годами, указывая, что в то время Каютов был больше известен как актер-любитель. Непременно добавляется, что он был красавцем. Также современники отмечали его большое сходство с генерал-адмиралом, великим князем Алексеем Александровичем. По найденным мной архивным снимкам вы можете судить, действительно ли это сходство имеет место быть.

Андрей Павлович Каютов (1867-1931)

Чтобы понять, что в первой половине 1880-х годов брак Надежды Петровны с Андреем Каютовым был невозможен, достаточно просто посмотреть на дату рождения Андрея Павловича. В основных доступных источниках годом его рождения указан 1868-й. Однако на самом деле он родился 9 ноября 1867 года (по старому стилю), о чем свидетельствует метрика о его крещении.


дано сіе свидѣтельство въ томъ, что по метрикамъ Михайловскаго Уѣзда села Бреднаго за тысячь восемьсотъ шестьдесятъ седьмый годъ подъ № 14, значится; Сельца Надеждина помѣщикъ Губернскій Секретарь Павелъ Ивановъ Каютовъ и законная его жена Надежда Андреева, оба православнаго исповѣданія сынъ Андрей, рожденъ девятнаго, крещенъ 11 Ноября. Воспріемники: Поручикъ Сергій Дмитріевъ Корабьинъ и Штабъ Ротмистерша Княгиня Варвара Дмитріева Багарина. Іюля 19 дня 1869 года.

Членъ Консисторіи, Спасоярскій Священникъ Николай Соловьевъ

Выписка из метрической книги о крещении Андрея Каютова

То есть Андрей Павлович был на 6 лет младше Надежды Петровны. Так что в начале 1880-х мальчик Андрюша, сын дворянина Рязанской губернии Павла Ивановича Каютова, еще прилежно учился в Рязанской гимназии, совершенно не помышляя о браке. После окончания гимназии, Каютов приезжает в Москву и поступает на юридический факультет Московского Императорского университета, который успешно оканчивает в 1890 году. Кстати, в 1891-м этот же факультет окончил и будущий первый муж сестры Надежды Петровны, Софии — Константин Федорович Крахт. Но в отличие от Каютова, сумевшего совместить юриспруденцию и увлечение искусствами, Крахт через несколько лет без сожаления оставил

службу и после обучения живописи и ваянию в Париже стал скульптором.

Константин Федорович Крахт и София Петровна Крахт (Ламанова) с сыновьями Владимиром и Романом (фото Софии Крахт из личного архива потомков семьи Медюк)

В воспоминаниях родственника Константина Крахта, Владимира Матова, содержится единственный найденный мной на сегодня рассказ о Софии Петровне Ламановой (Крахт, по второму мужу Хорьковой): «Окончившая консерваторию по классу фортепиано Н. Рубинштейна, она стала известной актрисой в театре Незлобина под псевдонимом Позднякова. В 1930-40 годы София Петровна с детьми жила в коммунальной квартире большого дома у Никитских ворот, напротив церкви, где венчался Пушкин. В последние годы перед войной она время от времени приглашала меня помузицировать (я, мальчишка в те годы, учился у Гнесиных по классу виолончели). Ученица Рубинштейна аккомпанировала мне при свечах на чудом сохранившемся у нее роскошном «Стейнвее». Глубокая старуха, уже плохо видевшая, но с тщательно уложенной прической, с бриллиантами в ушах, она деликатно поправляла меня в моей, увы, далекой от совершенства игре.

Величественная, статная женщина, это была сама Графиня, «Венера московская», из «Пиковой дамы», именно она» *(Матов В.В. «И возвращается ветер на круги свои: [Жизнеописание нескольких поколений большой семьи рос.немцев]: Докум. повествование». М., РПЦ "Внешторгиздат", 1995 г., стр. 45).*

К сожалению, никаких архивных данных, подтверждающих, что София Петровна действительно окончила Московскую консерваторию найти не удалось. В списках выпускников ее фамилия не значится. Известно, что у Софии Петровны была внучка, Елена Романовна Гулина. Возможно, она или ее потомки могли бы уточнить или дополнить историю жизни Софии Петровны.

Очень живые воспоминания сохранились у Матова и о встрече с Надеждой Петровной: «Там же я увидел еще одно чудо света — сестру Софии Петровны, Надежду Петровну Ламанову. Моя мама специально привела меня как-то к ним, чтобы показать эту женщину. Н.П. Ламанова была великосветской портнихой (теперь бы сказали — модельером) Москвы и Санкт-Петербурга, создавала также костюмы для Большого театра. Она, конечно, не шила

сама — для этого у нее был специальный штат портних, - она «накалывала». И однажды я видел это сам. Она набрасывала ткань на стоящую перед ней заказчицу, и, подумав одно лишь короткое мгновение, располосовывала эту чудесную дорогую ткань большими, очень острыми ножницами, что приводило меня, а еще более, должно быть, заказчицу в трепет. Затем выхватывала изо рта, полного булавок, несколько штук, прикалывала где-то что-то, окончательно отрезала теми же ножницами какие-то излишки и говорила: «Вот, пожалуй, и все, милочка, идите». И перед вами появлялись очертания чего-то нового, изящного и совершенного, а расторопные помощницы быстро уводили за ширму оробевшее совершенство. Свои модели она выставляла в Париже, и люди знающие говорят, что все кардены всех времен не заменят одной Ламановой» *(там же, стр. 45-46).*

Но вернемся к нашему расследованию. Сразу после окончания учебы в Университете Каютов также еще не был знаком со своей будущей женой. Проанализировав все найденные на сегодняшний день сведения, можно утверждать, что брак их был заключен, вероятно, в 1899 году. Именно тогда впервые Надежда Петровна начинает писаться в документах и справочниках как дворянка Каютова или жена дворянина Каютова. К сожалению, и сохранность метрических книг по Москве за этот период не идеальна, и точного указания, в каком храме проходило венчание, нет. Поэтому, возможно, запись о венчании Надежды Петровны и Андрея Павловича найти не удастся. Но я не оставляю надежды отыскать ее...

Существует несколько версий знакомства Надежды Петровны и Андрея Павловича. Одна легенда гласит, что познакомились они в ателье Ламановой, куда Каютов сопровождал свою возлюбленную, приму Малого театра, Гликерию Федотову. Якобы, как только он увидел хозяйку мастерской, влюбился в нее с первого взгляда. Другая же версия говорит о том, что они познакомились на одном из благотворительных базаров, устроенных для нужд детей-сирот. Как мне кажется, последний вариант более убедителен, поскольку из архивных дел и мемуаров известно, что и Каютов, и Ламанова принимали активное участие в различных благотворительных мероприятиях.

Рассказывая об этом браке, все пишут, что при знакомстве с Ламановой Каютов был больше известен как актер-любитель, выступавший под псевдонимом Вронский. Мною в архивных делах и мемуарной литературе, например, в воспоминаниях Е.М. Шавровой, был найден и второй его псевдоним — Рязанцев. Однако, глядя на его послужной список, становится понятно, что в это время он был уже довольно успешен именно в своей профессиональной деятельности. А его страстное увлечение театром и литературой было не более чем хобби. Как раз в 1899 году Каютов был назначен на должность помощника управляющего Московским отделением Страхового общества «Россия» (в 1911-м он возглавит Московское отделение «России»). Да и до этого его карьера развивалась весьма успешно. Андрей Павлович — интереснейший, разносторонний человек, несомненно, достойный отдельного рассказа. Но сейчас скажу лишь о тех страницах его биографии, которые нуждаются в некоторой корректировке.

Очень хочется, наконец, расставить все точки над «i» в судьбе Каютова после революции. Здесь публикации также полнятся слухами, версиями и догадками. Кто-то пишет, что он сгинул в застенках еще впервые послереволюционные годы, кто-то знает о процессе 1922 года, связанном с изъятием церковных ценностей Храма Христа Спасителя. Тогда Каютов был осужден на 5 лет с конфискацией имущества, затем приговор фигурантам дела смягчили, сократив срок на треть, а дальнейшая судьба его, как пишут, неизвестна (http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeu-yPqRn9X2lBE*). Кто-то утверждает, что Каютов отбыл положенный ему срок и вернулся домой... Но ни одна из версий не верна. Я была первым исследователем, взявшим в руки личное дело Каютова, в котором нашлась написанная его рукой автобиография, где он пишет о том, что был осужден в декабре 1922 года, но уже в конце февраля 1923-го обвинение с него было снято постановлением ВЦИК (РГАЭ ф. 7625, оп. 1, лист 11). До конца своих дней он продолжал заниматься делом, которому посвятил всю свою жизнь — страхованием,

занимая должность Старшего инспектора огневого отдела в Госстрахе и являясь одним из самых авторитетных и уважаемых сотрудников.

Что касается даты его смерти, то в открытых источниках также нет точных данных. Однако из датировки письма Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, адресованного Надежде Петровне (28 июля 1931 года), где она выражает запоздалые соболезнования в связи с кончиной Андрея Павловича, становится понятно, что он умер летом 1931 года. Вероятнее всего, на даче в Сходне, куда Каютовы уезжали каждый сезон. Есть сведения о том, что Андрей Павлович был похоронен на Ваганьковском кладбище, но могила его не сохранилась. Обсудив возможное место захоронения Каютова с представителями общества «Некрополь», мы предполагаем, что, Андрей Павлович Каютов мог быть погребен на одном участке с Надеждой Петровной, ее сестрами и племянницей, однако по какой-то причине его имя не указано на памятниках. Например, некрополисты полагают, что ограда на могиле была изготовлена ранее 1940-х годов. Может быть тот, кто устанавливал надгробные плиты, просто не знал о том, что там похоронен Каютов (табличка с его именем к тому времени могла не сохраниться). Но пока это лишь наши предположения. Возможно, когда-нибудь эта ситуация прояснится.

Как мы выяснили, брак Надежды Петровны и Андрея Павловича предположительно был заключен в 1899 году. Ламановой тогда было уже 37-38 лет. По тем временам возраст для первого брака поздний. Неужели до этого личная жизнь молодой успешной женщины не была устроена? Сомнения в этом появились сразу после того, как прояснилась хронология ее замужества с Каютовым. Кроме того, из архивных Списков поставщиков Императорского Двора стало известно, что в 1898 году Надежда Петровна была внесена в них под двойной фамилией Андруцкая-Ламанова. Поскольку никто из ее ближайших родственников не имел двойной фамилии, то логично было бы предположить, что Андруцкая — фамилия по мужу. Подтверждением тому, что Надежда Петровна до Каютова состояла в каких-то личных отношениях, послужили и воспоминания друга семьи Каютовых, Георгия Адольфовича Лемана. В своих мемуарах он пишет, что в молодости Надежда Петровна ушла из семьи, пережила личную трагедию - ее любимый умер у нее в объятиях, и открыла свою модную мастерскую.

Сопоставив все эти факты, я начала искать документальные подтверждения первому замужеству Ламановой. Вскоре в нескольких архивных делах 1893 и 1896 годов мной были найдены записи, в которых Надежда Петровна значится вдовой отставного поручика Андруцкой. Судя по архивным записям, этот первый брак был совсем недолгим. Как мы помним, в 1890 году Надежда Петровна записана владелицей портновского заведения как дочь полковника под фамилией Ламанова, а в аналогичной записи 1893-го она уже указывается вдовой отставного поручика Андруцкой.

Во время поиска сведений о мастерской Ламановой в архивных документах мной была найдена запись 1888 года об отставном поручике Павле Саввиче Андруцком, получавшим документы для ведения бизнеса. Кроме этого человека в Адрес-календарях Москвы за интересующие меня годы Андруцких не значится, хотя это и не говорит о том, что Павел Саввич был единственным носителем этой фамилии, проживавшем тогда в Москве. Но все же возможно было предположить, что именно Павел Саввич Андруцкий и является первым мужем Надежды Петровны Ламановой.

Отрабатывая версию брака с Павлом Андруцким, я попыталась собрать максимум информации об этом человеке. В Москве он появляется в середине 1870-х в качестве агента (центрального/главного агента) московского отделения Агентства страхового общества речного и сухопутного страхования кладей, под фирмою «Волга» (позднее переименовано в Высочайше утвержденное для морского, речного и сухопутного страхования и страхования от огня под фирмою «Волга»), учрежденного в 1871 году в Нижнем Новгороде. Помимо этой должности, вскоре он становится членом правления Императорского общества для

содействия русскому торговому мореходству. Последние упоминания о нем в Москве датируются 1889 годом.

Более ранние упоминания об Андруцком относятся к первой половине 1870-х. В это время мы встречаем его в Нижнем Новгороде. Там он являлся одним из учредителей и членом Мининского братства. Татьяна Львовна Грачева связала меня со специалистом по этой организации, Игорем Кузнецовым, который обозначил самую раннюю известную на сегодня дату упоминания морского офицера Павла Савельева Андруцкого в Нижнем — 1871 год. И последнее упоминание имени Павла Андруцкого в Нижнем Новгороде — 1876 год, когда он все еще состоит членом Мининского братства.
Двигаемся в более ранние годы и находим в Павла Саввича Андруцкого в 1866 году фигурантом одного из дознавательным дел Следственной комиссии по делу о покушении на Александра II (*ГАРФ ф.272, оп.1, д. 54*). Судя по всему, никакого участия в заговорах он не принимал, а попал в поле зрения следствия лишь потому, что несколько его писем были найдены у его знакомой, Софии Дмитриевны Теляковской, связанной с этим процессом.

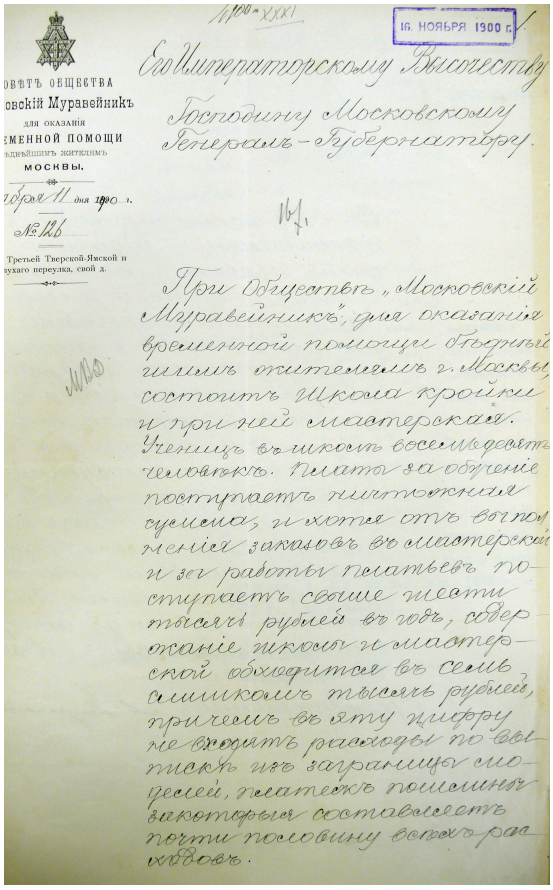
В это время он — 26-летний капитан парохода «Прогресс», курсирующего от Рыбинска и Твери до Нижнего Новгорода, иногда до Перми. Пароход этот принадлежит пароходной конторе общества «Самолет», куда Андруцкий поступил на службу с началом навигации в 1866 году. Уроженец Гельсингфорса Ньюландской губернии, сын священника Саввы Андруцкого, умершего в 1851 году (мать на 1866 год еще была жива), он получил образование в штурманском училище, где кончил полный курс. В 1858 году ходил за границу, в Средиземное море, на корабле «Ретвизан». Служил в Корпусе флотских штурманов, откуда уволен с чином подпоручика 30 июля 1865 года. В начале октября 1865 года прибыл в Тверь, где 21 числа венчался с дочерью тверского купца Иоганна (Ивана Андреевича) Леопольда, Амалией...
Казалось бы, результаты поиска вполне успешны. Павел Саввич через какое-то время мог овдоветь или развестись и женился уже зрелым мужчиной на юной Наде Ламановой (разница в возрасте у них 22 года, Павел родился 12 декабря 1939 г. по ст.ст.). Вполне возможно, что они знали друг друга еще по Нижнему Новгороду, а встретившись в Москве, создали семью. Может быть, Надя, как писал Леман «ушла из семьи», уехав в Москву за тем, в кого была влюблена? Вариантов того, как могли бы развиваться события, немало, если бы не одно НО...
В Адрес-календарях Санкт-Петербурга с 1890-х годов фигурирует уже знакомая нам Амалия Ивановна Андруцкая (Леопольд), живущая сначала на ул. Съезжинская, 29, затем на Б. Зеленина, д. 9. Вплоть до 1916 года она прописана в справочниках женой поручика, а в 1917-м уже значится вдовой. Из этих данных можно сделать вывод о том, что Павел Саввич Андруцкий не стал вдовцом и не разводился с Амалией Ивановной, а жил с ней долго и счастливо, и умер примерно в 1916 году, хотя сам он ни разу не встречается в списках жителей города 1894-1916 гг. Помимо Амалии в Санкт-Петербурге живет, вероятно, ее брат, Константин Иванович Леопольд http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=4008 с женой и сестра, дочь купца, Матрена Ивановна Леопольд, повивальная бабка Воспитательного дома .

Поскольку в деле 1866 года Павел Андруцкий подписывался «Павел Андруцкий 1-й» (порядковый номер после фамилии офицера означал его старшинство в производстве в первый офицерский чин среди других однофамильцев, а также братьев или иных родственников), возможно предположить, что Павлов Саввичей Андруцких было двое, один – капитан парохода, женатый на Амалии Леопольд, а второй – страховой агент в Москве, женившийся на Надежде Ламановой. Случалось, что в семье двух детей называли одинаково. Прорабатывая эту версию, я изучила архивные материалы, касающиеся священника Саввы Иоаннова Андруцкого и его семьи. Была найдена информация о его детях (2 девочки и 4 мальчика), среди которых лишь один Павел. После этого я проконсультировалась со специалистами по истории флота и получила информацию о том, что имя Андруцкого 2-го – Александр. Но и он не мог быть мужем Надежды Петровны, поскольку на 1885 год уже имел

звание капитана. Позднее в списках Петербургского некрополя я обнаружила Александра Саввича Андруцкого, умершего 16 марта 1888 года и похороненного на Смоленском православном кладбище. Вероятно, это еще один сын Саввы Ивановича Андруцкого, хотя записи о его рождении у Саввы я не нашла. После 1887 года офицеров с фамилией Андруцкий во флоте уже не было. То есть искать таинственного Андруцкого нужно в других родах войск. Несомненно, какая-то связь Ламановой с семьей Павла Саввича Андруцкого присутствует. Но за кем же из Андруцких была замужем Надежда Петровна? За одним из братьев Павла (за исключением одного из старших – Петра Саввича, однокурсника и духовного брата Добролюбова, учителя русского языка и издателя газеты «Кяхтенский листок», умершего от чахотки весной 1862 г.), за кем-то из его племянников или за сыном? Надеюсь, эту загадку я смогу разгадать.

Но вернемся от лирического отступления о личной жизни Надежды Петровны к ее профессиональной биографии. Дело Ламановой процветало. Аристократия и дамы самых именитых купеческих родов Москвы и Петербурга готовы были платить немалые деньги за произведения портновского искусства Надежды Петровны. С 1901 началось ее сотрудничество со Станиславским и МХАТ, которое продлится до последних дней ее жизни.

Да, она была неподражаема, и она знала цену своему таланту. Но в то же время, помня о тех материальных трудностях, которые ей пришлось преодолеть в юности, она стремилась помогать тем, кто нуждался, как когда-то она. Ламанова активно участвовала в благотворительных мероприятиях, стала попечительницей школы кройки при благотворительном обществе «Московский муравейник», в которой бедные девушки могли получить хороший старт в жизни, обучившись портновскому ремеслу на самом высоком уровне. Из письма председателя общества «Московский муравейник», Александры Николаевны Стрекаловой, мы узнаем, что в 1900 году в школе «Муравейника» обучалось 80 девушек, для учебной мастерской закупались модели платьев из-за границы, а доход от продажи нарядов, сшитых в мастерской при школе, составлял больше шести тысяч рублей.



ОВѢТЪ ОБЩЕСТВА
овскій Муравейникъ
для оказанія
ЕМЕННОЙ ПОМОЩИ
ѣднѣйшимъ жителямъ
МОСКВЫ.

Февраля 11 дня 1900 г.
№ 126

Третьей Тверской-Ямской и
ухаго переулка, свой д.

16. НОЯБРЯ 1900 г.

Его Императорскому Высочеству
Господину Московскому
Генералъ-Губернатору.

При Обществѣ „Московскій Муравейникъ", для оказанія временной помощи бѣднѣйшимъ жителямъ г. Москвы состоитъ Школа кройки и при ней мастерская. Учениць въ школѣ восемьдесятъ человѣкъ. Плата за обученіе поступаетъ ничтожная суммой, и хотя отъ выполненія заказовъ въ мастерской и за работы платьевъ поступаетъ свыше шести тысячъ рублей въ годъ, содержаніе школы и мастерской обходится въ семь слишкомъ тысячъ рублей, причемъ въ эту цифру не входитъ расходы по выпискѣ изъ заграницы моделей, платежъ пошлинъ, которыя составляетъ почти половину всѣхъ расходовъ.

Письмо А.Н. Стрекаловой Московскому Генерал-губернатору (1900 г.)

Девочек, работавших у нее в ателье, Надежда Петровна опекала и поддерживала, как мать. Недаром работницы называли ее «мама Надя». Вот как описывает жизнь и работу у Надежды Петровны одна из ее бывших учениц, В.В. Смарина: «В 1903 году у меня умерли отец и мать. Оставшись сиротой, мне посчастливилось устроиться в мастерскую в ученье к Н.П. Ламановой, где я была обеспечена одеждой, жильем и питанием 5 лет.

Обучая нас швейному мастерству и готовя нас к самостоятельной трудовой жизни, Надежда Петровна организовала школу с общеобразовательными предметами, где мы девочки, с отрывом от работы могли заниматься 2-3 раза в неделю по несколько часов. Такой школы повышения образования наряду с обучением ремесла нигде не было в мастерских.

К нам девочкам Надежда Петровна была отзывчива, всегда входила в наши нужды и узнав о том, что я стремлюсь к образованию, начала сама заниматься со мной, это дало мне возможность сдать экстерном за 4 класса гимназии.

Надежда Петровна в то глухое бесправное время старалась развивать нас так: например, для нас девочек устраивались спектакли, ставились пьесы Островского, в которых роли героев исполнялись старшими ученицами. Для обучения играть на сцене приглашались артисты Малого театра. Кроме того ежегодно устраивалась елка, сопровождавшаяся читкой или декламацией девочек. После чего нам раздавали подарки.

Приношу глубокую благодарность Надежде Петровне за те первые шаги моего образования, которые впоследствии дали мне возможность получить высшее образование в Московском университете по медицинскому факультету и сделаться врачом-хирургом» *(ГЦТМ, ф. 141, ед.хр. 57)*.

Огромные доходы Ламановой позволили ей в начале 20 века перебраться из съемного помещения в свой собственный дом, выстроенный для нее на Тверском бульваре по проекту архитектора Лазарева. Это дом №10, в котором ныне располагается Информационное агентство России ТАСС. Во времена Ламановой здание было четырехэтажным (частично пятиэтажным с жилым полуподвальным этажом) и только в советское время были надстроены еще 2 этажа. Согласно документам, участок в 350.50 кв. саженей Ламанова приобрела у потомственной почетной гражданки Прасковьи Герасимовны Прохоровой 28 января 1908 года. А уже в марте того же года началось строительство роскошного особняка, с богатой внутренней отделкой итальянским мрамором, полами из дубового паркета и метлахской плитки, украшенными лепниной потолками, мраморными лестницами и колоннами из итальянского, эстлянского мрамора и тарусского известняка, центральным отоплением и даже лифтом. Настоящий дворец царицы русской моды!

Первоначально расположение помещений выглядело так:

Полуподвал был занят магазином, мастерской дамских вещей и квартирами для служащих в 16 комнат, с кухней и двумя ватерклозетами. Площадь этих помещений составляла 106 саженей.

На первом этаже располагалась шестикомнатная квартира площадью 58 саженей с передней, кухней, ванной комнатой, двумя ватерклозетами. Здесь жили коллежский советник, потомственный врач Вениамин Давидович Шеффер и его жена, портниха Елизавета Павловна Шеффер. А также вторая квартира, пятикомнатная, в 40 саженей - 5 комнат, с передней, ватерклозетом и уборной.

Второй этаж занимал магазин в 13 комнат, с передней и двумя ватерклозетами (площадь 124 сажени).

Третий – мастерская с пятью залами, одной комнатой, утюжной и уборной (144 сажени).

На четвертом и пятом этажах – барская квартира в 17 комнат, с передней, кухней, ванной и тремя ватерклозетами (134 сажени).

Кроме главного дома было выстроено одноэтажное каменное строение с конюшней на 5 стойл, каретным сараем и погребом (29 саженей).

В 1914 году в доме располагались:

I. Подвал

под принадлежностями

Полуподвал

1. Дворницкая

2. Помещение служащих мастерской Каютовой

(В 1917 г. указаны также кладовая учреждения и помещение истопника)

1-й этаж

3. Помещение служащих мастерской Каютовой

4. Квартира Управляющего Шеффер

(В 1917 г. указаны также помещения учреждения)

2-й этаж

5. Модная мастерская дамских нарядов Каютовой - прием, примерка и выдача заказов.

(В 1917 г. на этом этаже уже значится учреждение (контора).

3-й этаж

6. Модная мастерская Каютовой

4-й этаж

7. Квартира домовладелицы Каютовой.

(В 1917 г. кроме квартиры на этом этаже указан также магазин).

Вот как описывает период расцвета карьеры Ламановой друг семьи, Георгий Адольфович Леман: "Дело Надежды Петровны настолько разрослось, что постепенно у неё стало 300 мастериц. Я слышал от неё, что она подавала счета богатым московским купцам в десятки тысяч. Курьезны были её рассказы, как купцы «торговались» с ней — купцы любят, чтобы им «делали скидки». Так, например, подаст она счет на 34240 руб. Приезжает «сам» М.А.Морозов (Тверская мануфактура) и говорит: «Надежда Петровна, уж вы мне уступите, скиньте 240 руб.» «Извольте, с удовольствием!» Жена великого князя Михаила Александровича, графиня Брасова, урожденная Шереметьевская, Наталья Сергеевна, так и осталась должна Надежде Петровне 20 тыс. руб. Насколько широк был размах работы Надежды Петровны можно судить по тому, что она ежегодно ездила в Париж, где держала квартиру, закупать модный товар для своего предприятия. А закупала она этого товара на полмиллиона! Конечно, огромен был и доход её — мастерская давала ей до 300 тыс. руб. в год, т.е. другими словами, по 1000 руб. в день! Она была подлинным гением костюма. Я смело утверждаю, что то, чем Станиславский был в области режиссуры, то была Надежда Петровна в области костюма. Хорошо помню, как однажды придя к ней, я увидал на одном из манекенов замечательной красоты платье тонкого теплого серого цвета, чудесно

драпирующее фигуру. Я немедленно бухнулся на колени и положил этому платью-шедевру... земной поклон. Как-то я сказал Надежде Петровне: «Надежда Петровна, вы — гениальны!» На что она, как бы удивившись, что в этом можно сомневаться: «Конечно!» Да, я не преувеличиваю, она в своей области была действительно гениальна" *(Воспоминания Г.А. Лемана http://feb-web.ru/feb/rosarc/raj/raj-601-.htm, стр. 612. Первоисточник: ОР РГБ. Фонд 218, к. 1272, ед. хр. 5).*

В Париже Ламанова знакомится и сближается со знаменитым французским модельером Полем Пуаре. И осенью 1911 года, когда Поль приезжает в Россию, именно в доме Надежды Петровны, на втором этаже, он устраивает лекции и показы для модной московской публики.

«Вчера восходящее светило парижских портных, творец знаменитой юбки-шаровар, Поль Пуаре, прочел в ателье г-жи Ламановой свою первую лекцию о современном дамском платье. Лекция сопровождалась демонстрацией многочисленных моделей, привезенных из Парижа. - Нет ничего более нелогичного, чем дамское платье, это ничто, это трижды ничто, - так приступил к своей краткой конференции г-н Пуаре.
Поль Пуаре считает себя новатором в области моды, но его новаторство ищет себе вдохновение в образцах античного мира с его классической простотой, с его легко ниспадающими тканями и свободными складками. Платье должно быть просто, свободно и естественно...

Лекция Поля Пуаре закончилась демонстрацией моделей, привезенных им с собой из Парижа.
Шесть прелестных француженок дефилировали перед присутствующими в туалетах самых разнообразных стилей» («Московская газета», 21 октября (3 ноября) 1911 года).

Имя Ламановой гремело, вдохновение не покидало ее, модная империя процветала. Но все это в одночасье перечеркнула революция 1917 года. После революции мастерская Ламановой была ликвидирована. В открытых источниках указано, что и дом на Тверском был национализирован. Но в архиве музея Бахрушина мной найден документ, в котором Надежда Петровна указывает, что во время революции дом она продала, чтобы покрыть расходы и рассчитаться с работниками и поставщиками после ликвидации мастерской. Оставшиеся деньги были переведены ею в Народный банк.

Несмотря на эти потери, Ламанова, имевшая возможность эмигрировать и продолжать свое дело в том же Париже, да и не только там, осталась в России. Возможно, из-за больной сестры, возможно, почувствовав, что и в новой эпохе она сможет реализовать себя. Во всех материалах, связанных с Ламановой, указывается, что после потери дома на Тверском, 10 семья Каютовых поселилась в доме №1 по Мансуровскому переулку, квартира 4 (другой вариант адреса этого дома — Еропкинский пер., дом 4). Однако в переписке и документах и Каютова, и Ламановой в первые послереволюционные годы фигурирует другой адрес: Еропкинский переулок, дом 3, квартира 2. Хотя разные номера квартир и указывают на то, что Еропкинский, 4 и Еропкинский, 3 - два разных адреса, но все же стоит еще уточнить, не происходила ли в 1920-х смена нумерации домов.

В 1919 году Надежда Петровна и Андрей Павлович были арестованы, два с половиной месяца они провели в Бутырской тюрьме. Их освобождению помогло вмешательство Максима Горького, гражданская жена которого, актриса Мария Андреева - клиентка Ламановой. В этом же году, по поручению Наркомпроса, Ламановой была организована мастерская Современного костюма, своеобразная лаборатория по моделированию костюма для нового времени. Как государственная, мастерская просуществовала до 1924 года. За отсутствием кредитов она прекратила существование и Надежда Петровна, по ее словам, принуждена была ее продолжать на правах кустарной мастерской, так как ей была необходима лаборатория для разрешения задач, которые ставили перед ней экспортные организации, театр и общественные организации.

В эти годы она создает великолепные образцы одежды из кустарных тканей, работает над моделями по мотивам народного костюма, использует мотивы народов Севера и Дальнего Востока, в 1925 году, совместно с соратницей и подругой, скульптором Верой Мухиной, издает альбом «Искусство в быту», на страницах журнала «Красная Нива» выступает с великолепными теоретическими статьями, где формулирует принципы реформирования модельного дела... И результаты этой работы не заставили себя ждать.

Работы Ламановой 1920-х годов: платья по мотивам народного костюма (Лиля Брик и ее сестра Эльза Триоле) и пальто из коллекции, созданной по мотивам костюмов народа Севера (актриса Александра Хохлова)

На I Всероссийской художественно-промышленной выставке в 1923 году мастерской современного костюма, руководимой Ламановой, присужден диплом Государственной Академии Художественных Наук за: «а) Оригинальный творческий замысел , 2) использование материала, указывающее на высокое мастерство, в) за тонкую и гармоническую красочность; г) за логически упрощенное построение костюма, дающее возможность массового производства, д) за обстоятельное и точное исследование по распределению труда, ведущее к сокращению часов работы исполнителя».

В отделе СССР Международной Выставки декоративно-прикладного искусства и художественной промышленности в Париже в 1925 году, куда Надежде Петровне выехать не разрешили, международным жюри ее моделям была присуждена Высшая Награда.

На юбилейной Выставке искусств народов СССР 1927 г. Ламанова получила отзыв признательности за инициативу выявления художественного творчества народов Севера и Дальнего Востока.

Несмотря на выдающиеся успехи, за содержание своей кустарной мастерской Ламанова поплатилась лишением избирательных прав, как кустарь, пользующийся услугами наемных работников. В 1929 году ее защиту выступили и Академия Художественных наук, членом которой она являлась с 1922 года, и руководство театров...

Вот лишь некоторые характеристики, поданные в защиту Ламановой.

Президент Государственной Академии художественных наук Коган: «...мне хорошо известна

научно-художественная деятельность Н.П. Ламановой в течение ряда лет. Н.П. Ламанова, по моему глубокому убеждению, по характеру всей своей деятельности никоим образом не может быть причислена к лицам, которые работают на заказчика с корыстными целями. Ламанова является настоящим художником и ее деятельность носит серьезный просветительский характер, о чем свидетельствует высокая оценка, которой она неоднократно удостаивалась на художественно-промышленных выставках, как в Союзе, так и заграницей. На Международной выставке в Париже в 1925 году костюмы ее производства были по достоинству оценены и посетителями, и печатью. Нельзя не отметить, что во всех ее художественных выступлениях, Ламанова стремилась дать такое построение костюма, которое позволяло его использовать для массового производства. Ее заслуги в художественной просветительской деятельности неоднократно отмечались такими учреждениями как Главнаука, Государственная Академия Художественных Наук, театр им. Вахтангова и т. д. Ввиду этого я считаю, что пресечение деятельности Ламановой (что может явиться результатом обложения ее в качестве частника) было бы несомненным ущербом для нашего просвещения».

Действительный член Государственной Академии Художественных Наук и руководитель кустарной группы Бартрам: «Выставка «Кустарная ткань и вышивка в современной женской одежде» (демонстрировавшая ряд костюмов, созданных Надеждой Петровной Ламановой и устроенная Кустарной Группой Декоративного комитета Государственная Академия Художественных Наук весной 1928 г.) наглядно показала результаты весьма разносторонней и многолетней деятельности Н.П. Ламановой, главным образом, как единственного в своем роде лабораторного работника в области женской одежды, реализующего свои научные знания в создании нового рационально построенного костюма, отвечающего действительным потребностям современной жизни.

Следует отметить тщательное продуманное использование «сырья» в виде кустарных тканей деревенской работы. Последнее имеет крупное значение для экспорта: упрощенность же форм одежды, оригинальность и вместе с тем простота покроя привлекла к этой выставке многочисленных специалистов по выполнению одежды, и, что особенно важно, послужила очень крупным толчком в художественно-производственном развитии профессиональных школ, работающих в данной области».

Театр Вахтангова: «Ламанова работает в Театре со времени его официального основания с 1921 года в качестве художника и консультанта по нахождению и осуществлению театральных костюмов. Заслуги Н.П. Ламановой в этом деле огромны, форма, линия и краски театральных костюмов, эта одна из самых важных частей спектакля, разрабатывалась Н.П. Ламановой всегда с исключительной тщательностью, продуманностью и большим мастерством.

Особенностью работы Н.П. Ламановой является то, что она осуществляет костюмы не по эскизам художника, а как самостоятельный художник, достигая в этом такого высокого совершенства, которое обеспечило ей имя и признание как в СССР, так и за границей».

В 1930 году Надежду Петровну восстановили в правах, и она продолжила трудиться как для организаций легкой промышленности, так и для театральных постановок и кинематографа.

Работа для кинематографа стала еще одной гранью творчества Ламановой. Она принимала участие в создании костюмов к таким советским киношедеврам как «Аэлита», «Цирк», «Поколение победителей», «Александр Невский»...

Фильм «Александр Невский» (1938 г.). Модели костюмов - Н.П. Ламанова и Н.С. Макарова

Но, несмотря на неоспоримый талант Надежды Петровны, находились и те, кто считал приглашение ее к работе над фильмами неоправданной роскошью и режиссерской прихотью. Одному из таких противников дает жесткий отпор Эйзенштейн, работавший с Ламановой над картиной «Александр Невский»: «Ревизоры бывают всякие. Один из наиболее известных принадлежал перу Николая Васильевича Гоголя и писался в кавычках: «Ревизор». Кажется он-то, позабыв проставить себе кавычки, неожиданно выпрыгнул в правом нижнем углу последней страницы последнего номера «ЗБФ». «Легкость мыслей необычайная». Хамоватая развязность и великий апломб, при полном недомыслии принадлежат к основным добродетелям гоголевского «Ревизора». И всеми этими хлестаковскими добродетелями украшена заметка Ревизора из ЗБФ, касающаяся работы крупнейшего мастера в области костюма — Н.П. Ламановой — в картине «Александр Невский». Хлестаков запальчиво вопрошает: оправдана ли трата денег на приглашение тов. Ламановой? И безаппеляционно отвечает: нет! На базе каких-таких изысканий, какого такого анализа, какой такой осведомленности в области мастерства покроя костюма смеет эта хлестаковщина вводить в заблуждение нашу студийную кино-общественность?

Имеет ли этот голубчик отдаленное представление о том, сколько труда, изобретательности, умения и времени пришлось затратить на сложнейшую работу по воссозданию покроев и обликов костюма XIII века?

Поинтересовался ли «Ревизор» узнать, сколько дней, вечеров и ночей проведено художником костюмов и режиссером и отдельными исполнителями совместно с тов. Ламановой, чтобы в покрое костюмов воскресить всю чистоту стиля, строгость рисунка и безупречность формы исторических русских уборов и нарядов?

И результаты на лицо. Правильно воссозданный покрой, правильно построенная форма костюма, дала возможность избежать самого отвратительного, чем страдает большинство «костюмных» фильмов: несмотря на крайнюю необычность костюмов в них всюду и везде избегнута «театральщина», «оперность», фальшь.

Наша картина добилась настоящего реалистического исторически-верного костюма, избежав маскированного бала, что чаще всего имеет место. И в этом громадная заслуга Н.П. Ламановой, вложившей в это дело громадный многолетний опыт, свое искусство и мастерство. Таково положение вещей.

А чем служит заметка? Сгустком задетых самолюбий, нежелания общаться с опытом крупных мастеров и неумного отсутствия любопытства к достижениям в собственной

профессии, услужливо подслушанных у тех, кто и самую работу тов. Ламановой захотели встретить в штыки (точнее: «в иголки»), за что крепко получили по пальцам.

1] Станиславский от костюма (недаром она лет 20 работала с великим мастером сцены и не напрасно).

2] Есть чему поучиться у этого мастера и в области отношения к делу. И дело здесь вовсе не в пришитых или приметанных рукавах там где вопрос идет о выработке кроя. Дело гораздо глубже — дело в «разрешении» самого актера.

3] Никак не желаю приуменьшать качеств или достоинств работающих у нас на фабрике по костюму, но прямо скажу, что в выработке моделей и форм костюмов там, увы, очень и очень силен еще лозунг: «сойдет». И очень редко мне пришлось наталкиваться на такое же любовное отношение к покрою, стилю и рисунку костюма, которое я неустанно вижу, наблюдая работу тов. Ламановой.

Что же вынесла фабрика из творческой встречи с тов. Ламановой?

Вазелин на объектив.

Палки в колеса. Безобразную волокиту с договором и безобразные условия, созданные для ее работы. И наконец, не менее безобразную инсинуацию Ламановой и группе, когда несмотря на все прекрасно выполнена ее работа» *(РГАЛИ ф. 1923, оп.1, д.1202).*

Сергей Эйзенштейн и Николай Черкасов во время съемок «Александра Невского»

А как живописует он процесс работы Надежды Петровны над костюмами! «Острота глаза, предельное чувство линии и формы, пропорции и воплощения рисунка в реальность фактур, движений и спадов материи, динамики складки, скульптурная лепка фигуры. Неутомимая рьяность. Нескончаемый звук разрываемых первоначальных наметок, бледные, как математические формулы, первоначальные «патроны» из коленкора и холста, но и, как эти формулы, ответственные, точные и строгие на путях к тому, чтобы из стадии исканий «формы» (Надежда Петровна никогда не говорила «покрой»), как бабочка от стадии куколки в сверкание крылатого существа, — затем воплотиться глухим басом бархата, игривыми переливами ламэ или тяжелыми аккордами золотой парчи. Нескончаемы переколки, перекройки, подрезки, перестановки, костюмы на глазах распадаются обратно в половинки грудок и спинок, рукавов и воротов и вновь срастаются в новом дивном нюансе целого… Кто опишет вас! Кто перескажет эти томительные и упоительные часы! Когда смутное очертание замысла или капризная линия наброска под меткими ударами стальных челюстей ножниц, опытного прикосновения утюгов, армии булавок и вереницы бега нитки и прежде всего пластического таланта становится трехмерной подвижной скульптурой костюма?

Встретив великих старцев Райзмана и Ламанову, Бальзак вспомнил бы Микеланджело,

Тициана и Калло, так строга лепка их костюма, так поразительно сбалансированы в них живописные массивы, так ответственно призван каждый штрих говорить о желаемом образе носителя. Ибо мастера эти не только облекают фигуры тех, кто счастлив попасться им в руки. Они создают и пересоздают его облик, исправляют дефекты, убирают аномалию или, ухватив ее, не замалчивают, но возводят ее средствами искусства в завершенный образ характерности. Именно поэтому так давно пришла Ламанова от «светского» костюма к костюму театральному, где еще больший простор игре подчеркнутых или тщательно скрываемых черт индивидуальностей, чем в комедии салонов и гостиных» *(Сергей Эйзенштейн. Избранные произведения в шести томах. Искусство, 1963 г. Том 5)*.

Да, в области создания театрального костюма Надежда Петровна была непревзойденным мастером! Вот список спектаклей, над костюмами для которых Ламанова работала с 1919 по 1930 год, составленный самим модельером.

1919 г. Вторая студия Х.Т. «Узор из роз»

1920 г. Драмбалет «Сказки Тирада»

1922 г. Театр Вахтангова «Принцесса Турандот»

1923 г. Вторая студия Х.Т. «Дама невидимка»

1925 г. Театр МГСПС «Ревизор»

1925 г. Театр Вахтангова «Марлен де Лорм»

1926 г. Театр Вахтангова «Зойкина квартира»

1927 г. МХТ 1-й «Женитьба Фигаро»

1928 г. Театр Станиславского «Борис Годунов»

1929 г. Театр Революции «Инга»

1930 г. Театр Вахтангова «Коварство и любовь»

1930 г. МХТ 1-й «Дядюшкин сын»

1930 МХТ 1-й «Отелло»

Позднее она работала также над костюмами к спектаклям МХАТ «Сивильский цирюльник» (Станиславский восторженно оценил ее работу для этой постановки: «Нашей драгоценной, незаменимой, гениальной Надежде Петровне Ламановой ору во все горло: «браво! Бис!»),, «Укрощение строптивой» в театре Красной Армии, «Бесприданница» в московском театре революции, «Васса Железнова», "Последние дни Турбиных" и других.

Надежда Петровна Ламанова на даче у Веры Мухиной, 1930-е годы

Одним из «звездных» спектаклей Ламановой несомненно стала легендарная «Принцесса Турандот» в театре Вахтангова.

«Принцесса Турандот» (театр Вахтангова). Женские костюмы – Н.П. Ламанова

В феврале 1940 года, к юбилею спектакля, когда он был сыгран в тысячный раз, в газете «Вахтанговец», целиком посвященной «Турандот», участницы спектакля не могли не отметить талант Надежды Петровны и опубликовали заметку о ней под названием «Прекрасный художник»: «В этот день, 12 февраля, нам хочется вспомнить о большом художнике, которому мы все, прошедшие с «Принцессой Турандот» свой жизненный путь в театре, обязаны больше, чем может быть предполагаем.

Это художник Надежда Петровна Ламанова. Ее роль в нашем эстетическом развитии огромна. Она воспитала в нас не только чувство стиля в костюме, но она научила нас относиться к костюму как к эстетическому объекту, разрешающему те же задачи, которые разрешают самые удачные, самые впечатляющие режиссерские находки.

Она научила нас ощущать костюм, как элемент сценического воплощения образа. Она наш подлинный художественный руководитель в этой области театрального искусства.

Все эти 18 лет, начиная с первого представления «Турандот», и теперь, когда мы празднуем юбилей «Принцессы Турандот», среди других юбиляров одно из самых почетных мест занимает Надежда Петровна Ламанова.

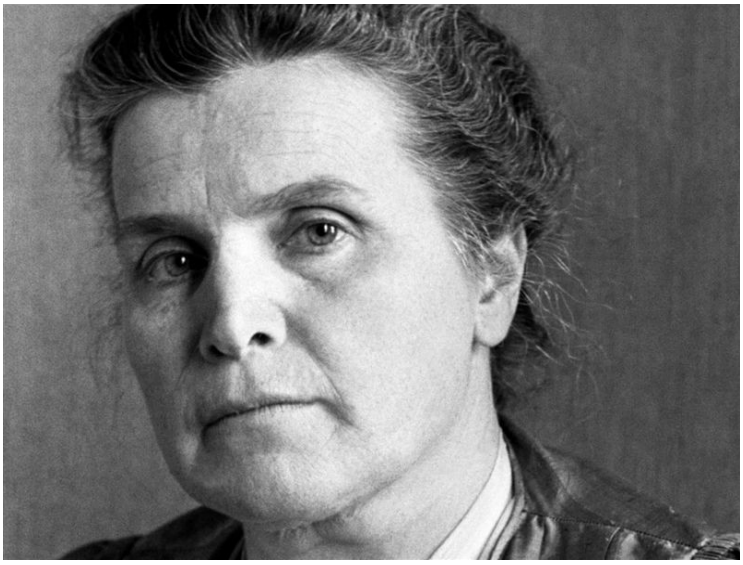
Желаем ей бодрости, здоровья и радостного творчества на многие годы.

Группа участниц «Турандот».

Чуть больше года оставалось до начала Великой Отечественной войны. Немногим менее двух лет — до смерти великого модельера.

До последних дней Надежда Петровна оставалась верна театру, и даже эвакуироваться собиралась вместе с труппой любимого МХАТа. Но театр не дождался ее, 80-летнюю, не успевшую прийти вместе со своей сестрой Марией к назначенному времени. Когда 14 октября 1941 года они подошли к театру, двери его были заперты. Возвращаясь домой, Надежда Петровна скончалась от сердечного приступа, присев отдохнуть на скамейке у Большого театра.

Сохранилось письмо Веры Мухиной, адресованное Марии Петровне Ламановой, в ответ на телеграмму о смерти Надежды Петровны:



Вера Игнатьевна Мухина

«6 декабря 1941 года

Моя милая, дорогая Мария Петровна, Ваша телеграмма была для меня ударом, я просто не могла опомниться 2 дня.

Смерть Надежды Петровны, моего лучшего друга, я смело могу сказать, была для меня ужасна.

Надежда Петровна была светлый человек, а их так немного. Меня всегда поражала ее огромная выдержка, неисчерпаемое свежее творчество в 80 лет, то, что она, потеряв все свое состояние с революцией, приняла ее, сохранила светлое отношение к людям. Она была из породы Станиславских, Собиновых, Ермоловых, она была из плеяды светлых гуманистов, последней четверти века. Как мне больно, что я ее больше не увижу...»

Надежда Петровна Ламанова похоронена на 3-м участке Ваганьковского кладбища. Там же покоятся ее сестры, София и Мария, племянница, Надежда Константиновна Крахт, а также крестница Ламановой, Вера Николаевна Павлова.

8 мая 2016 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент карты Москвы 1907 г. с обозначением всех известных на 8 мая 2016 г. адресов мастерских, где работала Надежда Петровна Ламанова за период с 1884-го по 1917 г.
Буквой «В» обозначено место расположения мастерской Т.С. Войткевич на 1884 г., т.е. На момент работы там Ламановой. Далее цифрами от 1 до 5 в хронологическом порядке обозначены все адреса ателье самой Надежды Петровны.

1. Дом Батюшкова (предположительно 1885-первая половина 1886 г.)
2. Дом Черневой (вторая половина 1886-го — 1889 г.)
3. Дом Фишера (1890-1897 гг.)
4. Дом Адельгейма (1898-1908 гг.)
5. Собственный дом на Тверском бульваре (1908-1917 гг.)